

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

официального оппонента
по диссертации Саенко Ангелины Вячеславовны
«Политика памяти в Калининградской области периода перестройки
в отражении региональной прессы»,
представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.1. Отечественная история, выполненную
в Высшей школе философии, истории и социальных наук
образовательно-научного кластера
«Институт образования и гуманитарных наук»
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта

Представленная А.В. Саенко диссертация выполнена в русле быстро развивающегося направления *memory studies*, посвященного изучению исторической памяти и возможностям репрезентации исторического прошлого. *Memory studies* в отечественной историографии прошли путь от изучения традиционного исторического сознания до оформления в самостоятельную междисциплинарную область, сфокусированную на национальной идентичности, коммеморативных практиках и политике памяти.

Изучение исторической памяти – перспективное направление в современной исторической науке. Понятия «историческая память» и «политика памяти» активно вошли в отечественную историографию в 1990-е – начале 2000-х годов. Это было обусловлено необходимостью переосмысления советского прошлого, открытием архивов и масштабной рецепцией трудов М. Хальбвакса, П. Нора, Я. и А. Ассман. В современной российской науке проблематика исторической памяти разрабатывалась в трудах Л.П. Репиной, А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, И.М. Савельевой, А.В. Полетаева, Н.Е. Копосова, Г.А. Бордюгова и др. Опираясь на эти работы, в историографическом разделе диссертации А.В. Саенко обращается к теоретическим основаниям и основным концептам *memory studies*.

Вопросы сохранения историко-культурного наследия и коммеморации приобрели особую остроту в годы перестройки, с отменой прежних идеологических запретов и началом публичного переосмысления прошлого. Калининградская область в этом контексте является уникальным регионом:

наследие немецкой довоенной культуры здесь соседствовало с советским мемориальным ландшафтом, созданным «с нуля». Обращение к переломной эпохе перестройки, сопровождавшейся важными изменениями в общественном сознании и исторической памяти калининградцев, до сих пор не становилось предметом специально анализа в региональной историографии.

Автор показывает, как происходил сложный, противоречивый процесс «освоения» довоенного наследия, его включения в региональную идентичность, одновременно с пересмотром советских символов и рождением новых коммеморативных практик.

Тема исследования несомненно актуальна. Перестройка стала переломным этапом в развитии советского общества, когда идеологический контроль ослабевал, а историческая память превратилась в арену острой общественной борьбы. Исследование трансформации исторического нарратива в эпоху перестройки имеет важное значение для понимания процессов трансформации советской идентичности и формирования новых представлений о прошлом: регион с «чужим» довоенным наследием, полностью сменённым населением и отсутствием долговременной локальной памяти представляет собой уникальный «естественный эксперимент» по конструированию исторического нарратива.

Научная новизна исследования заключается в комплексном изучении политики памяти в годы перестройки на региональном уровне. Впервые для этих целей использован такой массовый источник, как региональная пресса, обработка и анализ материалов которой осуществляется методами компьютеризованного контент-анализа. Всего привлечено 34 местных периодических издания, начиная от главных областных газет и заканчивая многотиражками предприятий и учреждений.

Структура диссертации логична и полностью соответствует цели и задачам исследования. Во введении сформулированы актуальность, хронологические рамки, цели и задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, объект и предмет, методология, источниковая база, степень изученности темы, а также сформулированы положения, выносимые на защиту. Хотелось бы в разделе «Методология и методы исследования» увидеть более развернутое описание терминологии *memory studies* с включением таких важных для данного исследования понятий как институты, акторы и проводники памяти, исторический нарратив (пришедший в отечественную историографию в 1990-е годы в рамках «лингвистического поворота»), а также более подробный список базовых понятий и терминов контент-анализа.

Хочется отметить большой объем и репрезентативность источниковой базы диссертационного исследования: архивные фонды ГАКО (документы

обкома КПСС, облисполкома, управления культуры, отделения ВООПИиК, общества «Знание»), законодательные акты, делопроизводственная документация, привлекаются также материалы устной истории, мемуары и даже поэтические тексты. Главное место занимают материалы региональной прессы. Обращение к читательским письмам и публичным дискуссиям даёт возможность реконструировать не только официальную линию, но и разнообразие общественных мнений. Обработать такой массив информации можно лишь с использованием компьютерных технологий, и для этого выбрана программа MAXQDA, обладающая большим набором исследовательских инструментов качественного и количественного контент-анализа. Его результаты позволяют перейти от субъективных впечатлений, свойственных описательному подходу, к верифицируемым содержательным выводам.

Первая глава диссертации посвящена анализу состава и структуры системы акторов политики памяти в Калининградской области в период перестройки, рассматривает их основные типы: власть и подведомственные учреждения, средства массовой информации и «новые акторы». Показана эволюция системы от монополии партийных органов к плюрализму, радикальной смене механизмов исторического просвещения – от централизованной партийно-государственной вертикали к возникновению новых независимых объединений, краеведческих клубов, неформальных организаций и отдельных энтузиастов.

Отмечено, что характерной чертой эволюции, особенно в первые годы перестройки являлось то, что школьное образование, политпросвещение, музеи, ВООПИиК продолжали действовать «по инерции», в традиционном духе, под контролем партийных органов, слабо реагируя на общественные запросы. При этом автор подчеркивает ключевую роль прессы в период перестройки, особенно «Калининградской правды» и «Калининградского комсомольца», которые не только отражали общественные запросы, но и активно формировали историческую политику: резкое увеличение числа исторических публикаций, переход от перепечаток центральных изданий к статьям местных краеведов, историков и письмам читателей. Особо выделены «новые акторы» – Калининградское отделение Советского фонда культуры, Клуб краеведов, неформальные объединения, независимые газеты. Эти выводы подкрепляются статистическими данными о тиражах изданий, тематике и авторстве публикаций, которые позволяют дать оценку влияния прессы на массовое сознание калининградцев: если в 1985 г. 2/3 всех материалов по истории составляли централизованно поступающие в редакции материалы и перепечатки из столичных изданий, то к 1991 г. их доля сократилась почти наполовину и в то же время в два раза возросло количество

статей краеведов и профессиональных калининградских историков и в три раза – публикаций читательских писем (с.109).

На этом фоне интересен вывод автора о «самоустранении» партийных органов из сферы исторической политики к 1989–1991 гг., когда они переключились на экономические и политические проблемы, а возникший вакуум был заполнен общественными инициативами (с.60).

Вторая глава представляет собой центральную аналитическую часть диссертации, в которой автор на основе статистического и контент-анализа региональной прессы (преимущественно «Калининградской правды» и «Калининградского комсомольца») изучает изменения исторического нарратива о прошлом края в период перестройки. Одним из важных тезисов является поворот к региональной тематике в исторических публикациях в годы перестройки (в 1985 г. доля региональной тематики составляла лишь 11%, а в 1991 г. – 72%). В отличие от центральной прессы, где активно обсуждались сталинизм, репрессии, роль партии, калининградские газеты уделяли этим сюжетам меньше внимания: «Калининградская правда» и «Калининградский комсомолец» по большей части сохраняли принятый ранее исторический нарратив в отношении советской истории, публиковали материалы о революции, Гражданской войне, коллективизации и индустриализации и т.п. в духе официальной советской историографии.

Этот вывод подкрепляется результатами частотного анализа имен политических деятелей, которые были в фокусе внимания этих газет: центральной фигурой, особенно в начале перестройки, был Ленин в связи с надеждами на «возврат к идеям Ильича», на втором месте оказался Калинин в связи с дискуссией о переименовании города. Фигура Сталина не была для калининградцев столь значимой, невзирая на довольно резкие высказывания о культе личности. Много упоминаний о героях Великой Отечественной войны, совершивших подвиги на территории Калининградской области, к концу периода чаще стали упоминаться деятели науки, культуры.

Характерные результаты получены при сравнительном анализе упоминания в калининградской прессе различных периодов советской истории – абсолютным лидером, ядром исторического нарратива была Великая Отечественная война, особенно учитывая, что одним из ее результатов стало создание Калининградской области, причем в фокусе внимание была Восточно-Прусская операция и штурм Кёнигсберга (с.153–154), воспоминания его участников, интервью с бывшими фронтовиками, а также – с 1987 г. – вопросы послевоенного восстановления края, приезда и обустройства в области первых переселенцев.

Отдельный раздел главы посвящен, наверное, самой сложной проблеме политики памяти на новоприсоединенной территории – формировании общности «советского народа», свободного от довоенного прошлого города.

Территория бывшей Восточной Пруссии с «чужим» историко-культурным наследием должна была быть преобразована в «свою» советскую землю. Автор называет этот период процессом «присвоения» истории и культурного наследия края до 1945 г. В центре обновленного регионального исторического нарратива оказались сюжеты, относящиеся к историческим связям Восточной Пруссии с Россией и СССР, чаще всего касающиеся политически нейтральных сюжетов из истории международного сотрудничества в области науки, культуры и просвещения, что позволяло находить баланс между признанием немецкого наследия и стремлением вписать его в российский контекст. Процесс «реабилитации» довоенной истории края в период перестройки – это переход от изображения Восточной Пруссии как «очага агрессии» к изучению сюжетов о российско-пруссских связях, исторических личностях, деятелях науки и культуры. Такой подход позволил сформироваться видению региональной истории, «не столько как чужой и чуждой, сколько требующей внимания и изучения для ведения созидательной деятельности» (с.187).

Третья глава посвящена трансформации коммеморативных практик и отношения к историко-культурному наследию в Калининградской области в годы перестройки. Богатый эмпирический материал и использование методов контент-анализа позволяет автору сделать обоснованные выводы о динамике общественных настроений и политики памяти.

В параграфе «Дискуссия об изменении регионального мемориального ландшафта» в центре внимания находится топонимия публичных пространств: названия улиц, городов, значимых мест, которая является частью структуры коммеморации о событиях истории. Дискуссии по вопросу о переименовании Калининграда и отдельных поселений или улиц (с.217–220) показывают, что топонимическая политика стала ареной столкновения разных исторических нарративов и национальных интересов. Обсуждались и вопросы изменения названий районных газет, увековечение имен деятелей литовской культуры.

Автор отмечает, что памятники советским вождям, игравшие значительную роль в формировании образа Калининграда стали восприниматься как «пережиток эпохи», но сохранилось бережное отношение к памятникам воинской славы Великой Отечественной войны, к сохранности и благоустройству братских могил, обсуждались вопросы сооружения памятника А.М. Василевскому и подводнику А.И. Маринеско. Автор пишет, что в круг «своего» наследия были включены и некоторые довоенные памятники, был затронут вопрос о сохранности могил Первой мировой войны.

Отдельные разделы третьей главы посвящены музейной сфере и коммеморативным практикам. На примерах из практики работы калининградских музеев автор отмечает «инерционность» музейной сферы, аналогичную инерционности в сфере просвещения.

Относительно коммеморативных практик автор отмечает, что интерес к годовщине Октябрьской революции резко падает после 1987 г., а День Победы и 9 апреля (день взятия Кёнигсберга), а также День Советской армии и Военно-Морского флота становятся главными региональными праздниками. Память о событиях 1917 г. все еще была представлена монументами, названиями городов и улиц, поскольку политика перестройки требовала «возврата к Октябрю», т.е. сугубо положительной коннотации праздника; коммунистические субботники до конца перестройки еще продолжали проводиться, однако к 1991 г. традиционные формы советских праздников были фактически утрачены. Появились новые праздники, например, День города. Автор изучает общественные инициативы (сбор средств, работа краеведческих клубов, музеи боевой славы, следопытская работа), свидетельствующие о росте гражданской активности: новые акторы использовали существовавшие ранее практики проведения субботников и воскресников, которые теперь были направлены на возрождение и сохранение историко-культурного наследия края, включая и советские объекты.

В заключении подводятся итоги исследования. Положения, вынесенные на защиту и обоснованные в представленном тексте, раскрывают как общую динамику отражения политики памяти в материалах СМИ, так и заметную региональную специфику калининградской прессы.

Таким образом, в диссертации убедительно показана роль прессы в формировании политики памяти и ее трансформация от сложившихся стереотипов в начале перестройки к большей независимости в конце этого периода, когда появляются новые акторы и новые СМИ. Наряду со следованием в русле центральных изданий, калининградская пресса обладала выраженной спецификой, уделяя меньше внимания критическим материалам и активно публикуя материалы по региональной истории, причем связанные не только с Великой Отечественной войной, но и с довоенной историей края с акцентом на экономических и культурных связях Восточной Пруссии с Россией, а также с историей его заселения после войны.

Особого внимания заслуживает введение в научный оборот большого массива архивных документов. Методы компьютеризованного статистического и контент-анализа источников обеспечили комплексный подход к изучению региональной политики памяти в переломную эпоху.

Отмечая положительные стороны и достоинства диссертации А.В. Саенко, необходимо коснуться и некоторых положений работы, которые вызывают вопросы.

1. Хотелось бы видеть более четкую внутреннюю периодизацию периода перестройки применительно к политике памяти. Выделяются два этапа, но в тексте не всегда четко проводит их разделение. Автор упоминает, что до

1988 г. действовали «инерционные модели», а с 1988 г. интерес сместился к региональной истории. Не совсем ясно, когда именно произошел перелом – в 1988 или в 1989 году.

2. Понятийный аппарат представлен во введении: показаны различия близких терминов – «политика памяти», «историческая политика», «символическая политика», однако в дальнейшем используется преимущественно термин «политика памяти». Было бы полезно кратко пояснить, почему выбран именно этот концепт.

3. Создается впечатление, что основным инструментом анализа является табличный процессор, с помощью которого проводится визуализация статистических показателей, а процесс лемматизации результатов лексического поиска в программе MAXQDA вообще никак в тексте не поясняется.

4. В научных работах и документах все виды визуализации (включая диаграммы) обычно называют словом «Рисунок», и у каждого рисунка должна быть подрисовочная подпись.

Высказанные замечания не снижают общей высокой оценки работы, а являются, скорее, пожеланиями на будущее. Диссертация является законченным научным исследованием, вносящим вклад в историю политики памяти и коммеморации в позднесоветский период.

Диссертационное исследование А.В. Саенко выполнено на высоком профессиональном уровне. Текст работы написан хорошим научным языком, результаты демонстрируют квалификацию автора в области информационных / цифровых технологий и аналитических методов. Автор вводит в научный оборот значительный массив новых источников, применяет современные методы и технологии для изучения сложных процессов трансформации политики памяти на уникальном региональном материале в один из самых противоречивых периодов советской истории.

Таким образом, диссертация Саенко Ангелины Вячеславовны «Политика памяти в Калининградской области периода перестройки в отражении региональной прессы» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития исторической науки и практики, что соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции

приказа от 30 апреля 2025 года № 02-763, приказ об изм. № 02-1313 от 10.07.2025; приказ об изм. 02-1794 от 17.09.2025), а Саенко Ангелина Вячеславовна заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры исторической информатики
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

И.М. Гарскова

« 15 » мая 2026 г.

Адрес: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект,
д. 27, корпус 4, исторический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
+7 916 597-04-53 garskova@hist.msu.ru

Подпись

И.М. Гарсковой

заверяю

ст. инспектор

М.Д. Матюхина